

1885–1930

«Женщину уподобили идолу или марионетке, постоянно заставляя ее играть ту или иную роль — любимая, любовница, жена, мать. Если бы мы только могли... понять, что женщина — это поток, река жизни, совершенно отличная от реки жизни мужчины... и что отношения мужчины и женщины — это течение двух рек, находящихся рядом, иногда даже смешивающихся, потом снова разделяющихся и продолжающих свой путь... Это и есть секс».

Дэвид Герберт Лоуренс

классика
В
кармане

классика в кармане

Д. Г. ЛОУРЕНС

классика
в кармане

Любовник леди Чаттерли

Д. Г. ЛОУРЕНС

классика
в кармане

«Космический оптимизм Лоуренса противопоставит пессимизму Шопенгауэра; он считает, что жажда жизни, выражающаяся в сексе, есть радость, а мысль и действие должны происходить именно из этой жажды жизни... Мужская жизнь должна целиком быть выражением его мужественности, которая предполагает и требует женщину; а женщина — это не развлечение, не добыча, но полюс, необходимый для существования полюса с противоположным знаком».

Симона де Бовуар

www.bmm.ru

www.trade.bookclub.ua

Любовник леди Чаттерли

Д. Г. ЛОУРЕНС

Любовник леди Чаттерли

*классика
в кармане*

Д. Г. ЛОУРЕНС

Любовник леди Чаттерли

Москва

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
Л81

Проект Д. Е. Веселова

Печатается по изданию:
Лоуренс Д. Г. Любовник леди Чаттерли /
пер. с англ. И. Багрова, М. Литвиновой. — СПб. : Азбука, 2000.
Вступительная статья *Н. М. Пальцева*
Примечания *И. С. Веселовой*

В оформлении обложки использован фрагмент картины
Феликса Валлоттона «Фиолетовая шляпа»
Иллюстрации — репродукции с картин Дэвида Герберта Лоуренса

Литературно-художественное издание

Серия «Классика в кармане»

ЛОУРЕНС Дэвид Герберт

Любовник леди Чаттерли

Дизайнеры обложки *Т. Н. Коровина, Я. В. Крутий*
Дизайнер-верстальщик *Е. М. Залипаева*

Подписано в печать 23.01.2013. Формат 76x100/32.

Усл. печ. л. 16,88. Тираж 5000 экз. Заказ №

ЗАО «БММ», г. Москва, Проспект Мира, д. 68, стр. 1А. Тел. (495) 984-35-23;
e-mail: office@bmm.ru

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 61140, Харьков-140,
пр. Гагарина, 20а; e-mail: sor@bookclub.ua. Св. № ДК65 от 26.05.2000

Отпечатано с готовых диапозитивов на ЧП «ЮНИСОФТ»

Свидетельство ДК № 3461 от 14.04.2009 г.

www.ttornado.com.ua

Украина, г. Харьков, ул. Морозова, 13Б

- © И. С. Веселова, составление,
примечания, 2013
- © Н. М. Пальцев, вступительная
статья, 2013
- © И. Багров, М. Литвинова, перевод
на русский язык, 2013
- © Nemiro Ltd, 2013
- © ЗАО «Фирма Бертельсманн Медиа
Москау АО», 2013
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», 2013

ISBN 978-5-88353-475-0 (серия)

ISBN 978-5-88353-520-7 (БММ)

ISBN 978-966-14-5049-2 (КСД)

«Любовник леди Чаттерли»: судьба писателя, судьба романа

Классической, повторяю, является не та книга, которой непременно присущи те или иные достоинства; нет, это книга, которую поколения людей, побуждаемых различными причинами, читают все с тем же рвением и непостижимой преданностью.

*Хорхе Луис Борхес.
По поводу классиков*

Книги, как и их создатели, имеют свою судьбу. Одни, едва сойдя с печатного станка, властно завладевают вниманием аудитории, рождая сенсацию, чтобы спустя не слишком продолжительное время кануть в реку забвения, другие вызывают не менее ожесточенное читательское отторжение и либо тоже забываются, либо спустя месяцы или даже годы вспыхивают неожиданным фейерверком образов и идей, третьи, в пору выхода в свет в силу тех или иных обстоятельств окруженные плотной завесой молчания, ждут своей очереди на признание масс долгие десятилетия. Одним словом, реагируют на тончайшие, порою непредсказуемые флюктуации в жизни общества — как в собственной стране, так и за ее пределами.

Столь же, если не более, прихотливы прижизненные и посмертные судьбы их авторов. На долю одних приходятся лавры, премии, многомиллионные тиражи и гонорары, на долю других — одобрение взыскательных критиков и знатоков изящной словесности, на долю третьих — особенно если они оказываются в ножницах с государством и охранителями его устоев — заговор молчания, вынужденное отлучение от литературы, эмиграция, а то и тюремные решетки. Словом, число вариантов по сути неограниченное.

Есть, однако, судья не подвластный политической, моральной и иной конъюнктуре: он зовется Временем. И его приговор — единственный не подлежащий обжалованию. Он выносятся книгам, которые каждое читательское поколение прочитывает по своему, но не перестает перечитывать. Книга и ее автор, о которых пойдет речь, — из этого ряда.

Прозаик и поэт, эссеист и драматург, исследователь культуры и создатель оригинального мироучения, получившего широкую известность в кругах неконформистской западноевропейской интеллигенции в 20—30-е годы минувшего века, профессиональный литератор и одаренный живописец-любитель — все это грани разносторонней и в то же время отмеченной редкостью целостностью творческой индивидуальности Дэвида Герберта Лоуренса. Споры о нем, начавшись при его жизни, не обнаруживают тенденции затихнуть и сегодня, спустя семьдесят с лишним лет после его смерти.

Стороннему наблюдателю его жизненный и творческий путь предстает нескончаемой цепью странностей и парадоксов, — лишь пристальному аналитическому взгляду удастся со временем и не без труда обнаружить в ней последовательность и закономерность.

Четвертый ребенок в многодетной семье шахтера, он родился в 1885 году в Иствуде, небольшом городке близ промышленного Ноттингема. Здесь, в сердце Средней Англии, до начала XX столетия сохранявшей черты сельского уклада, сложилось у него обостренно чуткое отношение к миру природы, в потаенные ритмы которого насильственно и грубо вторгнулся индустриализм. Любимец матери (до замужества учительницы), Дэвид перенял от нее бережное отношение к духовным ценностям прошлого и настоящего. От отца же, человека простого и трудолюбивого, мальчик воспринял страстную любовь к жизни во всем богатстве ее изменчивых красок.

Порой явный, порой молчаливый конфликт между родителями наложил неизгладимый отпечаток на отроческие годы Лоуренса, осложненные двумя катастрофами: гибелью в забое его старшего брата и инвалидностью отца, ставшего жертвой несчастного случая в шахте. Натура деятельная и волевая, Лидия Лоуренс задалась целью добиться, чтобы младший из ее сыновей избрал для себя менее опасное и более престижное в глазах окружающих поприще — пастора или учителя. Впрочем, от участи других членов семьи Дэвида избавил рано открывшийся туберкулез, в шестнадцать лет поставивший его на грань жизни и смерти; важной вехой в формировании индивидуальности будущего писателя стала также длительная дружба с фермерской семьей Чемберсов, живших по соседству.

Общению с Джесси Чемберс, девушкой образованной и эрудированной (ее он впоследствии обессмертит в образе Мириам Лейверс — героини романа «Сыновья и любовники»), юноша во многом обязан дальнейшим становлением своих читательских пристрастий и эстетических вкусов. Яркое впечатление на него производят книги Тургенева, Льва Толстого (об «Анне Карениной» он не раз отзовется как о «величайшем в мире романе»),

Достоевского, чьи «Братья Карамазовы» и «Идиот» на протяжении всей жизни будут властно привлекать и одновременно чем-то отталкивать писателя. Несколько позже он прочтет Чехова, Горького, а в последнее десятилетие жизни выступит и в несколько необычной для себя роли переводчика (с подстрочника) бунинского «Господина из Сан-Франциско»...

Несколько лет, окончив вечерние курсы при Ноттингемском университете, Дэвид посвятил нелегкому учительскому поприщу. Это обогатило его житейским, но отнюдь не творческим опытом. А между тем он уже одержим всепоглощающей страстью: писать. Вечерами, в краткие часы отдыха, пренебрегая и без того не слишком крепким здоровьем (вскоре родные будут опять опасаться за его жизнь), он увлеченно работает над романом, который будет закончен четыре года спустя. Жажда самовыражения в молодом человеке бьет ключом: не откладывая в сторону «Белого павлина» (такое название получит роман), он пробует силы в стихах и рассказах. Они и станут первыми произведениями Лоуренса, увидевшими свет. А позже был принят к печати и «Белый павлин».

В декабре 1910 года Дэвид Герберт вложил в руки умиравшей от рака матери сигнальный экземпляр своей первой книги. Выбор профессии состоялся.

Последующие двадцать лет творческой биографии Лоуренса являют редкий пример интенсивности художнических исканий: еще девять романов, столько же стихотворных книг, десять пьес, шесть сборников рассказов, вместивших более полусотни произведений, несколько повестей, четыре книги путевых впечатлений, множество эссе, журнальных рецензий, газетных откликов, мемуарно-автобиографических заметок, — собранные друзьями и единомышленниками, они впоследствии составят два обширных тома: «Феникс» (1936) и «Феникс-2» (1968).

На время обосновавшись в Лондоне (неуемная жажда впечатлений, стремление на все посмотреть своими глазами, все лично ощутить и прочувствовать вечно толкают его в путь), Лоуренс становится «своим», но не слишком заметным человеком в творческих кругах британской столицы. Знакомство с лидерами пишущего сословия: Дж. Г. Уэллсом, Дж. Б. Шоу, У. Б. Йейтсом, Б. Расселом и некоторыми другими — отнюдь не создало для него условий наибольшего благоприятствования, профессионального или материального. И причиной тому было не столь «пролетарское» происхождение молодого литератора (иным из его знакомых, напротив, импонировало общение с сыном горняка), сколь самостоятельность, а подчас и демонстративная резкость его суждений о жизни, об искусстве, да и сама природа лоуренсовского дарования.

Встретив со сдержанным одобрением «Белого павлина» и храня многозначительное молчание по поводу второго романа

Лоуренса «Нарушитель» (1912), тогдашняя литературная критика не усмотрела признаков художественного новаторства в «Сыновьях и любовниках» (1913) — волнующем повествовании о двух поколениях горняцкой семьи, в значительной мере основанном на автобиографическом материале. Соотечественники скорее настаивали, нежели воодушевляли, и степень психологизма в произведениях писателя, и своеобразие синтаксиса и лексики, нередко (особенно в диалогических моментах) восходившей к устным, бытовавшим в реальной, подчас простонародной, среде разговорным нормам. Ревнителям изысканного литературного вкуса претили и сами персонажи молодого прозаика — вышедшие из ада каменноугольных шахт. Но больше всего подозрений в идейной и моральной «неблагонадежности» вызывало его упорное неприятие царивших в британской провинции социальных порядков и пуританских этических установлений, в противовес которым Лоуренс едва ли не с избыточной яркостью красок и щедростью детализации живописал частное бытие своих героев и героинь.

Любовь в стихах и прозе Лоуренса и впрямь имела мало общего с благопристойными, пестревшими фигурами умолчания зарисовками писателей и писательниц викторианской поры: далекая от идилличности, она представляла в существовании его персонажей чаще всего как трагедия, как арена ожесточенного внутреннего противоборства мужчины и женщины, выявляя затаенное до поры богатство сознательных, а чаще полусознательных или бессознательных побуждений, стимулов, импульсов. В них, по мысли писателя, являла себя глубинная часть «айсберга человеческой личности».

Это имело место, например, в «Радуге» (1915) — самой необычной на фоне богатой традициями этого жанра английской литературы семейной саге, воссоздававшей историю трех поколений фермерского рода Брэнгуэнов на протяжении ключевых для Британии шестидесяти лет: с 1840-х по первые годы XX столетия. Типично лоуренсовская полифония природного и духовного, психофизиологического и исторического воплотилась в новаторской образно-композиционной структуре повествования. Структуре, заметим, не нашедшей адекватного развития и в английской прозе нескольких последующих десятилетий и лишь много лет спустя «отозвавшейся» в опыте художественной литературы совсем другого культурно-этнического региона — в романах латиноамериканских представителей «магического реализма», в частности Габриэля Гарсиа Маркеса.

Повинуясь неосознанному, не находящим эквивалентов в рациональном опыте побуждениям, персонажи «Радуги» порою проживают целые жизни в ритме рождений—свадеб—рождений детей—смертей—новых деторождений, не слишком тяготясь

своей «доадамовой» изолированностью от внешнего мира. Гораздо существеннее для них сокровенный «зов крови», когда-то побудивший молодого фермера Тома Брэнгуэна взять в жены невесту откуда появившуюся чужестранку — польку, вдову политэмигранта Лидию Ленскую с маленькой дочерью на руках. Вполне доверяясь мистическому этому голосу, они как бы на ощупь движутся навстречу друг другу, не без труда отыскивая некий общий, замыкающийся в сфере эротического, знаменатель совместного бытия.

Равновесие, однако, нарушается. И в ожесточенной борьбе темпераментов, в какую вырождается семейная жизнь следующего поколения: дочери Лидии Анны и ее кузена Уилла Брэнгуэна — противоречиво откликаются, становясь аналогом враждебного фатума, антагонизмы вступившей в стадию урбанизации Средней Англии. Эти антагонизмы достигают апогея по мере взросления их дочерей — Гудрун и Урсулы. Alter ego романиста, Урсула становится учительницей, влюбляется — и убеждается в духовной несостоятельности избранника. Для полноценной самореализации лоуренсовского индивидуума экология духа — условие столь же неотъемлемое, сколь и воссоздаваемая писателем с беспрецедентной детальностью экология плоти.

Сам по себе эротический пласт повествования в «Радуге», наверное, не послужил бы поводом для ожесточенной атаки на Лоуренса оракулов официозного общественного мнения. Но, думается, все тоталитарные и псевдодемократические режимы сходны в нежелании называть черное черным, а белое белым. Устами героини «Радуги» Лоуренс заклеил войну и милитаризм как наихудшие из антигуманных проявлений буржуазного миропорядка.

Драматическую участь книги, ставшей итогом мучительных раздумий прозаика над судьбами своей страны, предрешило начало Первой мировой войны. Издатель и автор романа были привлечены к суду по обвинению в «оскорблении общественной нравственности». Судебным вердиктом книга была приговорена к изъятию из продажи и сожжению.

Мировая война обозначила решительный перелом в биографии Лоуренса. Невзирая на хронический недуг, его вновь и вновь вызывают для переосвидетельствования на предмет годности к военной службе. Терзаемый тревогой за жену — немку по национальности, чьи дети от первого брака остались в Германии, — он приходит к мысли об эмиграции как единственном выходе из положения. Однако власти и тут сводят счеты с неортодоксально настроенным писателем, то косвенно обвиняя его в попытке шпионажа (Корнуэлл, где в эти годы живет чета Лоуренсов, объявлен «стратегической зоной»), то попросту игнорируя его отчаянные запросы о визе на выезд. От призыва на фронт

его спасает чистая случайность: война успевает закончиться до момента мобилизации. Но жребий брошен: в ноябре 1919 года Лоуренс покидает родину..

Везде, где живет прозаик в 1920-е годы: в Италии, Германии, Франции, США, Мексике, Австралии и на Цейлоне, — он много и подчас торопливо пишет. Основная тема его исканий неизменна: попытки самореализации человека в сфере частного бытия как наиболее органичной и благоприятной для воплощения заложенных в нем природных начал. Постепенно в сознании писателя кристаллизуется концепция «естественного человека» — не скованного узами сословных или имущественных перегородок, ведущего свободное, дистанцированное от традиционных центров общественного бытия существование. Ядром индивидуальности такого человека становится секс, который мыслится Лоуренсом не только как метафизическое пространство, населенное бесчисленным множеством безымянных богов — воплощений древнего Пана, но и как последняя из сфер автономии индивидуальности.

Объективно близкая фрейдовскому психоанализу, эта лоуренсовская концепция в ее социальных следствиях и выводах, однако, не вполне тождественна каноническому психоанализу. В противоположность австрийскому ученому, усматривавшему в подавлении бессознательных инстинктов индивидуума неизбежную цену, которую современное человечество обречено платить цивилизации в лице ее институтов, Лоуренс-мыслитель с неизменным недоверием относится к рациональным формам познания, дающим, по его убеждению, заведомо неполное представление о физической и духовной реальности, и, сохраняя приверженность принципу интуитивизма, утверждает примат искусства и, в частности, литературы и ее главного жанра — романа — как универсального источника «познаний о правде повседневности».

Окончательно сложившись в ходе работы над «Радугой» и ее продолжением — романом «Влюбленные женщины» (1921), эта философско-мировоззренческая программа находит в первые послевоенные годы многочисленных приверженцев. Ими становятся прежде всего недавние ветераны и очевидцы империалистической войны, вышедшие из окопов и бомбоубежищ прифронтовых городов с рубцами на теле и незаживающими ранами в душе. Для мыслящей части европейской интеллигенции катастрофа Первой мировой означала не только невозполнимые личностные потери; в травмированном сознании этих людей скомпрометированные идеалы общественной морали, государственности, религии оказались замещены идеалами асоциального существования — существования вне или по крайней мере на значительной дистанции от общества. В воплощаемом ими

новом поколении литераторов (с легкой руки Гертруды Стайн оно войдет в историю под именем «потерянного») наряду с немцами, французами, австрийцами, американцами найдут свое место и несколько англичан: Роберт Грейвз, Ричард Олдингтон, Олдос Хаксли. Двух последних в «век чарльстона и джаза» свяжут с Лоуренсом общность мировоззренческих и эстетических установок и личная симпатия. Оба, надолго пережив старшего друга, напишут о нем прочувствованные воспоминания.

Сам же он теряется в догадках, вновь и вновь пытаясь отыскать решение проблемы места интеллигента-нонконформиста на перепутьях смутной реальности послевоенных лет. Временами соблазн революционного действия становится для художника слишком сильным. Ричард Олдингтон в своих мемуарах приводит такое высказывание Лоуренса: «Если бы я знал как, я бы примкнул сейчас к революционным социалистам... Мне нет дела до политики. Но я знаю, что очень скоро должна произойти и произойдет беспощадная революция, и я приму в ней участие, если буду знать, как это сделать».

Это заявление, впрочем, осталось единичной декларацией писателя. Опыт большевистского руководства Страной Советов не вызвал у него ни одобрения, ни доверия (достаточно вспомнить язвительные замечания о практике большевизма, звучащие из уст персонажей в четвертой главе лежащего перед читателем романа). И хотя некоторые из положительных героев Лоуренса тех лет активно участвуют в профсоюзном движении, эта сторона их существования как бы вынесена за скобки повествования. В центре же практически всех произведений, создаваемых писателем в эти годы, — по-прежнему сильно и поэтично выписанные «сцены частной жизни».

Быть может, в силу отмеченного противоречия, ни один из лоуренсовских романов первой половины 1920-х годов не стал свершением, какое можно было бы поставить в один ряд с «Сыновьями и любовниками» и «Радугой». Исключение составили «Влюбленные женщины» — книга, где прозаик продолжил рассказ о судьбах молодых героинь «Радуги»: сестер Урсулы и Гудрун Брэнгуэн.

Художник с зорким взглядом реалиста и сердцем романтика, Лоуренс с обостренной восприимчивостью улавливает происходящие в душах персонажей и в недрах общества сейсмические сдвиги. Если двум носителям типично лоуренсовского мироощущения: Урсуле и ее возлюбленному Беркину, — испытывав немало разочарований, в конце концов удастся прийти в своих отношениях к определенной гармонии, то в жизни «эмансипированной» Гудрун и ее избранника, отмеченного каиновым клеймом «механической цивилизации» шахтовладельца Джеральда Крича, такая гармония попросту немислима. По-

добно поединку Брунгильды и Зигфрида из средневекового германского эпоса «Песнь о нибелунгах», их любовь — нескончаемое экзистенциальное противоборство, восторжествовать в котором можно, лишь подавляя волю другого. Предел такому противоборству может положить только гибель одного из участников: недаром в финале романа Джеральд замерзает в альпийских снегах. А вся поэтико-символическая архитектоника романа приводит на память неистовые ритмы оперных драм Рихарда Вагнера и философско-метафизическую прозу Фридриха Ницше.

Темы женской эмансипации, трудных судеб молодого поколения англичан и американцев все отчетливее звучат в произведениях Лоуренса этих лет. И все чаще их лейтмотивом становится «пробуждение» женщины, ее первое приобщение к искреннему любовному чувству. Так, в рассказах «Принцесса» (1925), «Солнце» (1926), «Женщина, которая исчезла» (1928), повести «Дева и цыган» (1926) нащупываются подходы к главному произведению писателя этого периода — «Любовник леди Чаттерли», книге, которой суждено будет стать его романом-завещанием.

По многу раз Лоуренс будет отвергать и перерабатывать написанное. Завершив всего за два месяца в конце 1926 года первую редакцию романа, в декабре того же года он приступит к созданию новой. Но, не удовлетворившись и ею (она будет готова в феврале 1927 года), прозаик вернется к любимому детищу на рубеже следующего. Третья редакция, вполне отвечая авторским ожиданиям, пойдет вразрез с намерениями английского и американского издателей, которые потребуют смягчения наиболее смелых описаний и изъятия отдельных, не слишком привычных для респектабельного уха слов. В конце концов тот и другой вообще предпочтут расстаться с перспективой публикации столь «сомнительной» книги. Издать небольшим тиражом полный текст романа отважится его флорентийский друг Джузеппе Ориоли. И романист, несмотря на все учащающиеся приступы туберкулеза, захочет принять личное участие в наборе. В июле 1928 года тираж будет готов, а уже в январе 1929-го Лоуренс получит известие, что решением судебных властей экземпляры его нового романа конфискуются у подписчиков в Англии и в США.

Одновременно на художника обрушивается еще один тяжелый удар. В июле того же года приходит весть, что персональную выставку его картин в Лондоне закрыла городская полиция, заодно конфисковавшая тринадцать лоуренсовских полотен, которые никому не суждено будет больше увидеть. С романом все сложится иначе, не столь безнадежно: три года спустя при участии Фриды Лоуренс будет подготовлено и выпущено в свет так

называемое «авторизованное» — сокращенное приблизительно на одну пятую оригинального текста — издание «Любовника леди Чаттерли». Чтобы представить себе, сколь велик был интерес англоязычной аудитории к своему осмеянному кумиру и последней его книге, достаточно заметить, что это *неполное* издание до 1960 года было перепечатано на родине автора более тридцати раз. А в 1960 году издательство «Пингвин букс» рискнуло выпустить полный текст многострадального «издания Ориоли». Это послужило поводом к новому судебному разбирательству. Но на Британских островах уже повеяло ветрами либеральных перемен. Жюри присяжных в составе девяти мужчин и трех женщин вынесло вердикт в пользу издателей. С тех пор текст «издания Ориоли» печатается в Англии с посвящением двенадцати присяжным...

Увы, обо всем этом уже не дано было узнать писателю. Он еще успел подарить будущим читательским поколениям шестьдесят семь стихотворений — цикл «Последние стихи». Обреченный на строгий постельный режим, еще нашел в себе силы написать в январе 1930 года предисловие к английскому переводу «Легенды о Великом Инквизиторе» Достоевского. 2 марта 1930 года Дэвид Герберт Лоуренс скончался.

Спустя два дня он был похоронен на местном кладбище в маленьком городке Ванс, на юге Франции. А через пять лет, по настоянию вдовы, прах писателя был перевезен через Атлантику, где захоронен в специально отстроенной мемориальной часовне в Таосе, штат Нью-Мексико, США. На его надгробии изображена мифическая птица Феникс: таким же знаком — Лоуренс считал его своим «авторским» — принято украшать канонические издания его произведений.

Однако до времени, когда этому беспокойному искателю-гуманисту и бескомпромиссному протестанту против всех и всяческих ограничений человеческой свободы соотечественники воздадут должное как мыслителю и художнику, оставались еще долгие десятилетия.

Чтобы в полной мере прочувствовать и оценить тревоги и переживания его персонажей, глубоко травмированных гекатомбой Первой мировой войны, им пришлось вынести на себе и неизмеримо большие испытания Второй мировой, и последующий крах Британской колониальной империи, и сопутствующий передел мира на сферы экономического и политического влияния, а в духовно-эстетическом плане — необратимо углубляющийся кризис буржуазной морали, от века зиждившейся на стабильности тех государственных и идеологических основ, которые воочию явили устрашающую свою несостоятельность. Пока страны и континенты сотрясали бурные социальные революции, в недрах цивилизации потребления вызревала *револю-*

ция сексуальная, что не могло радикальным образом не сказаться и на векторах литературного развития как в странах английского языка, так и за их пределами.

Во Франции, Германии, США да и в самой Англии появились прозаики, поэты, драматурги, деятели театра и кино, возведшие его чуть ли не в ранг пророка нового мироучения, а главное — *в собственном творчестве* во весь голос заговорившие о том, о чем пытался достучаться до своих современников сын шахтера из ноттингемского предместья: о непреходящей ценности личных, интимных, отвечающих естественной природе человека отношений, о любви и взаимопонимании, традиционно остающихся в тени общепринятого в буржуазном кругу обихода. Причем в числе их были не только младшие современники писателя, как американцы Генри Миллер (1891—1980) и Анаис Нин (1914—1977), но и представители последующих поколений — такие как Алан Силлитоу и Дэвид Стори, Джон Фаулз и Айрис Мердок в Англии, Норман Мейлер и Джон Апдайк, Джойс Кэрол Оутс и Эрика Джонг в США, Маргарет Этвуд в Канаде и многие, многие другие.

В 1960—1990-е годы за Лоуренсом утверждается статус национального классика. Его романы и повести многократно переиздаются, переводятся и экранизируются кино и телевидением. Благодарным материалом для новых фильмов становится и сама биография их автора. «Сыновья и любовники», «Радуга», «Влюбленные женщины» вводятся в учебные программы университетов и колледжей. Кто-то из дотошных литературоведов на грани XXI столетия подсчитал, что о писателе и его творчестве опубликовано более двух тысяч монографий, брошюр, статей, рецензий, мемуаров. Но характерно, что рекордсменом по читательской популярности остается «Любовник леди Чаттерли». Наряду с итоговой редакцией романа достоянием аудитории становится его первый вариант (так называемая «Первая леди Чаттерли», 1972) и второй, эпатирующе озаглавленный «Джон Томас и Леди Джейн» (1972). К роману обращаются мастера кинематографа разных стран и творческой ориентации — от французов Марка Аллегре (1955) и Жюста Жакена (1981) до выдающегося британского режиссера Кена Рассела, снявшего в 1992 году для телевидения сериал под названием «Леди Чаттерли», а еще раньше поставившего для большого экрана «Влюбленных женщин» (1969) и «Радугу» (1989). Наконец уже в начале нового тысячелетия свое прочтение книги (точнее, второго ее варианта) предложила француженка Паскаль Ферран (2006).

Стоит сказать и о непросто сложившейся судьбе «Любовника леди Чаттерли» в нашей стране. Небезызвестно, что имя и ряд произведений писателя — в том числе «Сыновья и любовники» и «Радуга» — стали достоянием советских читателей, пусть в не-

полных и не вполне совершенных переводах, еще при жизни автора. (Большинству их, впрочем, вряд ли был доступен перевод на русский язык Т. А. Леценко-Сухомлиной последнего романа Лоуренса, опубликованный эмигрантским издательством «Персеполис» в Берлине в 1932 году.) На рубеже 1930-х наступила затянувшаяся на полвека «пауза», причины которой, думается, самоочевидны: апологетам «единственно верного учения» поэтическая сказка о «беззаконной», опрокидывающей сословные и моральные преграды человеческой любви вряд ли казалась уместным в воспитательном плане чтением для бодрых и неуклонных созидателей коммунистического рая.

Лишь на гребне затронувшей все стороны общественной жизни в СССР перестройки, спустя столетие с лишним со дня рождения прозаика, оказалось возможным полномасштабное возвращение заветного творения Дэвида Герберта Лоуренса на русскую почву. Его обозначила публикация романа на страницах журнала «Иностранная литература» в 1990 году, за которой последовал целый ряд книжных переизданий. (В числе которых, заметим попутно, и семитомное Собрание сочинений писателя, выпущенное издательством «Вагриус» в 2006–2008 годах.) Как тут не вспомнить о легендарной птице Феникс, на протяжении всей жизни являвшейся любимейшим символом — и, хочется добавить, стимулом к творчеству — певца Средней Англии, без которого сегодня невозможно представить себе ни современную английскую литературу, ни саму английскую реальность описываемого периода.

Тут же оговорюсь: только ли английскую литературу и только ли английскую реальность начала минувшего века? Разве только к своим соотечественникам и современникам адресовался Лоуренс со своим страстным призывом: вернуться к древнему Пану, прорвав мертвящую пелену отчуждения? Разве не апеллировал он ко всему современному человечеству?

Задаться сегодня этим вопросом, к тому же в стране, на протяжении веков по многим параметрам противопоставлявшей себя и свою культуру Англии и англичанам, кажется своевременным потому, что за двадцать лет, прошедших с момента первой полноценной публикации русского перевода «Любовника леди Чаттерли» в нашей стране, выросло, по сути, новое поколение читателей — тех, кто, в отличие от их отцов и дедов, не испытал на себе подавляющего гнета цензуры советского домостроя (едва ли уступающего гнету столь страстно ненавидимой Лоуренсом цензуры, унаследованной от викторианства) и, следовательно, несравненно более внутренне свободных, а с другой стороны, с юных лет испытывающих подспудное, а то и явное разрушительное влияние масскультурных идейно-нравственных установок, порою граничащих с вседозволенностью.

В самом деле, многие ли из нынешних двадцатилетних или даже тридцатилетних в силах до конца согласиться с тем пониманием физической любви (иными словами, секса), какое Дэвид Герберт Лоуренс прокламировал в своем эссе «Мы нужны друг другу»: «...Секс, для меня, означает всю полноту отношений между мужчиной и женщиной. Но это отношение намного шире, чем нам известно. Нам известны лишь несколько грубых форм: любовница, жена, мать, любимая. Женщина — как идол или марионетка, всегда вынужденная играть ту или иную роль: любимой, любовницы, жены, матери. Если бы мы только могли... осознать, что женщина — струя, река жизни, совершенно отличная от реки жизни мужчины; и что каждой реке дано течь в своем направлении, не меняя границ; и что отношение мужчины к женщине — это течение двух рек одна вдоль другой; временами они почти сливаются, а затем расходятся и текут дальше. Это и есть секс».

Оговоримся: таково убеждение художника. И читатель, тем более воспитанный в диаметрально иной системе идейных координат, волен разделить его или скептически пожать плечами. Но вот мнение персонажей выносимого на его непредубежденный суд романа — Конни Чаттерли и Оливера Меллорса:

«— А ты правда считаешь, что это очень важно — мужчина и женщина?»

— Да, для меня очень. Для меня в этом смысл жизни. В любви к женщине, в естественных с ней отношениях».

То, что практически в любом произведении Лоуренса есть герой, «представительствующий» от имени автора, вряд ли удивит того, кто знаком с творчеством писателя. Однако в данном случае принципиально важно, что в «Любовнике леди Чаттерли» точку зрения романиста выражает не именитый аристократ, не рафинированный интеллектуал, а человек, стоящий на нижней ступени общественной иерархии, ни в малой мере не утративший чувства собственного достоинства, больше того — не стыдящийся свой простонародный выговор превращать в оружие социальной самозащиты.

Дело, видимо, в том, что *в чисто человеческом плане* егеря сэра Клиффорда Чаттерли Оливер Меллорс — единственный состоятельный персонаж мужского пола в романе. И суть не во внешних его достоинствах (хотя он, безусловно, обаятелен), но в том, что в глазах Лоуренса обретает ценность поистине непреходящую: в духовном масштабе личности, во внутренней целостности натуры, которая и оказывается источником таинственного, но оттого еще более осязаемого притяжения для окружающих.

Этому герою, как мы скоро убеждаемся, сопутствует своеобразный ореол романтической недосказанности: читатель, как

и Конни, мало что узнает о прошлом человека из низов, изверившегося в иллюзиях сделать блестящую карьеру и отдающего сознательное предпочтение внешне невыигрышному, но не слишком обременительному месту скромного служащего в родовой усадьбе Чаттерли.

«Естественный человек» в мире неудержимо ветшающих словных установлений и ярко расцвеченных «демократических» псевдоценностей, Меллорс превыше всего дорожит суверенностью собственного «я». И уже по этой причине на фоне лебезящих приживалов, откровенных лакеев и напыщенных снобов кажется Гулливером, ненароком оказавшимся в стране лилипутов.

Умная и обаятельная Конни Чаттерли, урожденная Рид, — тоже дитя изломанного своего века. Она — не столь готовое воплощение лоуренсовской «естественной женщины», сколь существо, подающее надежды со временем стать таковой. За ее хрупкими плечами немало потерь и разочарований, но ее индивидуальный опыт несравним с солидным жизненным опытом Меллорса. И для Лоуренса чрезвычайно важно преломить в призме ее восприятия — восприятия молодой англичанки из среднего класса — все в книге происходящее.

Страстность и утонченность натуры не противоречат в ней природной принципиальности, интеллигентность и художественный вкус — трезвости взгляда на окружающее и решительности в поступках, буржуазное воспитание — естественному уважению к человеческому достоинству. В своем положении молодой хозяйки аристократической усадьбы она подмечает многое, и то, что она видит, отнюдь не преисполняет ее розовым оптимизмом.

Довольно скоро Конни убеждается, что ее необратимо изувеченный войной, наделенный недюжинным умом муж унаследовал вполне феодальный взгляд на работников своего «современно организованного» предприятия. Ей представляется тысяча и один повод увидеть, сколь слабодушен и эгоистичен в каждодневном поведении и бытовых мелочах этот титулованный представитель правящего класса, любящий порассуждать об «ответственности хозяев». Видит она и то, сколь поработочны отчаянной погоней за госпожой Удачей даже самые обласканные славой литераторы, живописцы, ученые. За их эффектными словесными фейерверками она угадывает устрашающую неспособность к поступкам. Когда же Конни попадает в иную — не столь респектабельную и соответственно не столь поработочную предрассудками — среду, у нее не рождается и тени подозрения, что «люди попроще», с их провинциальным выговором, говорят одно, а думают другое.

Нравственное превосходство людей из низов над выходцами из высшего сословия очевидно; но очевидно и другое: «все со-

словия слились, объединились в погоне за деньгами». Здесь, разумеется, устами героини говорит сам прозаик. Авторская интонация неудержимо прорывается и в размышлениях Конни о судьбах безжалостно сметаемой с лица земли старой, сельской, не лишенной оттенка патриархальной простоты и теплоты Англии, где некогда «охотился сам Робин Гуд». Но и автор, и героиня в равной мере бессильны найти ответ на терзающих обоих вопрос: «Англия, моя Англия! Но которая же моя?»

Роман-завещание, «Любовник леди Чаттерли» стал последним словом категорического неприятия Лоуренсом провозглашаемого британским «истэблишментом» официального имиджа. Красноречиво открывающееся глазам Конни зрелище Венеции, символизирующей по сути всю послевоенную Европу, объятую исчерпавшей свои позитивные ресурсы общественной моралью, агонизирующей государственностью, вступившей в сумеречную зону культуры: «Розовый мираж над водой. Воздвигнутый по воле денег, процветающий по воле денег и мертвый. Деньги, деньги, деньги! Проституция и омертвление души и тела». Внутренняя немощ, скрываемая жестким каркасом бесчеловечной кастовой регламентации; выхолащивание исконно гуманистических понятий — таких как честность, порядочность, достоинство; самодовлеющая игра формальных экспериментов, за которыми нет сколь-нибудь значимого духовного содержания, — по всем этим пунктам Констанция Чаттерли, а в ее лице романист Дэвид Герберт Лоуренс выносит обвинительный приговор власти имущим: их претензии на лидерство в Англии завтрашнего дня несостоятельны.

На что и надеяться в такой обстановке любящим друг друга Конни и Меллорсу, кроме самих себя? Разве что на «наше легкое пламя» и на «безымянного бога, который хранит его от сквозняков», как признается возлюбленной в замыкающем роман письме разлученный с нею Меллорс. И на те хрупкие побеги красоты и любви, какие, быть может, взойдут в душе их ребенка, которому предстоит родиться. Больше в рамках частного бытия, рая для двоих, представляющего единственное противоядие тотальной энтропии, вряд ли достижимо. Тем больше красок щедрого своего таланта отдает романист его изображению. Детальность эта, в свое время шокировавшая филистеров от критики и консервативно настроенную часть читателей, думается, вряд ли смутит сегодняшнюю читающую аудиторию, не исключая и российской. Стоит, ко всему прочему, помнить, что эпатировавший косное общественное мнение современников Лоуренс стремился прежде всего покончить с пуританским табу на изображение эмоциональной жизни в искусстве и, при всей отваге первооткрывателя и экспериментатора, в этом процессе был не так уж оригинален. По сути, он не столь «открывал», сколь возвращал

аудитории вытесненную в культурное подполье энергию чувственного самовыражения, ставшую полноправным достоянием английской поэзии, живописи, театра еще со времен Чосера и Шекспира.

Хочется надеяться, что один из лучших романов Дэвида Герберта Лоуренса, с таким долговременным опозданием появившийся на русском языке, не просто ляжет на полку отечественных библиофилов. Он может многое поведать нашим теперешним соотечественникам, не понаслышке знающим, что такое отчуждение, с интересом познакомившимся с книгами Альбера Камю и Жан-Поля Сартра, Фридриха Дюрренматта и Макса Фриша, Джона Апдайка и Кобо Абэ, аплодировавшим фильмам Ингмара Бергмана и Федерико Феллини, Микеланджело Антониони и Жан-Люка Годара, Франсуа Трюффо и Алена Рене (и в особенности — наиболее молодой их части, порою по неопытности не усматривающей различий между любовью и сексом или между сексом и спортом), и в плане эмоциональной культуры, воспитания чувств. Последним, думается, есть смысл в заключение напомнить, что первоначально автор намеревался озаглавить его: «Нежность».

Н. М. Пальцев

ЛЮБОВНИК ЛЕДИ ЧАТТЕРЛИ

ГЛАВА 1

В столь горькое время выпало нам жить, что мы тщимся не замечать эту горечь. Приходит беда, рушит нашу жизнь, а мы сразу же прямо на руинах наново торим тропки к надежде. Тяжкий это труд. Впереди — рывтины да преграды. Мы их либо обходим, либо с грехом пополам берем приступом. Но какие бы невзгоды ни обрушивались, жизнь идет своим чередом.

Так примерно рассуждала Констанция Чаттерли. Война в пух и прах разбила ее благополучие. Что ж, дорого приходится платить за уроки житейской мудрости.

Констанция вышла замуж за Клиффорда Чаттерли в 1917 году, — его в ту пору отпустили из армии домой на побывку. Промелькнул медовый месяц, и Клиффорд уехал обратно во Фландрию. А через полгода его, израненного, едва живого, привезли домой. Констанции исполнилось двадцать три года, Клиффорду — двадцать девять.

Он отчаянно боролся со смертью, явив завидную волю, и мало-помалу шел на поправку. Два года колдовали над ним врачи и вернули его к жизни, прописав, правда, разные снадобья. Но ниже пояса тело Клиффорда так и осталось недвижимым.

Шел 1920 год. Клиффорд и Констанция обосновались в родовом гнезде Чаттерли — усадьбе Рагби. Старый баронет уже умер, сын унаследовал титул, его стали

величать «сэр Клиффорд», а Констанцию — «леди Чаттерли». Семейную жизнь им пришлось начинать в довольно запустелом доме на довольно скромные средства. Из близкой родни у Клиффорда осталась лишь старшая сестра, да и та жила отдельно. Старший брат погиб на войне. Клиффорд знал, что детей у него не будет и что род Чаттерли просуществует до той поры, покуда жив он сам и его усадьба в закопченном и задымленном сердце Англии.

Увечье не столь удручало его. Передвигаться он мог на кресле-каталке и заказал себе кресло на колесах, с моторчиком. Неспешно объезжал он сад и чудесный печальный парк. Втайне Клиффорд гордился им, на людях же упоминал с небрежением.

Клиффорд так настрадался, что почти избыл самое способность страдать. По-прежнему держался чуть сдержанно, по-прежнему в голубых дерзких глазах светился ум, по-прежнему на румянном лице играла бодрая, если не сказать веселая, улыбка, по-прежнему широки плечи и крепки руки. Одежду он носил самую дорогую, галстуки — самые красивые и модные. И все же читалась в лице настороженность, а во взгляде порой сквозила и отрешенность, присущая калекам.

Заглянув в лицо смерти, он теперь принимал жизнь (точнее, то, что ему осталось) как бесценный и чудесный дар. Да, он выстоял, вынес все тяготы и гордился собою — это сквозило во взгляде умных беспокойных глаз. Но слишком тяжел был удар — что-то надломилось у него в душе, какие-то чувства безвозвратно исчезли. Опустошенность и безразличие легли на сердце.

У его жены Констанции были мягкие каштановые волосы, румяное простодушное, как у деревенской девушки, лицо, крепкое тело. Движения обманчиво плавны и неспешны — не угадать недюжинной внутренней силы. Большие, будто вечно вопрошающие глаза, тихий, мягкий говорок — ни дать ни взять только что из соседней деревушки заявила. Но внешность обманчива. Ее отец — некогда известный художник, почтенный сэр Малькольм Рид. Мать — женщина образованная,

сторонница фабианства в политике¹, возвращенная на традициях Возрождения в искусстве, столь пышно расцветших в середине прошлого века². В кругу художников и просвещенных социалистов Констанция и ее сестра Хильда воспитывались, можно сказать, в современной эстетической атмосфере, без мещанских условностей и предрассудков. Девочек возили в Париж, Флоренцию, Рим — надышаться подлинным искусством; в Гаагу и Берлин — на съезды социалистов; на каких только языках там не произносились речи! Но это отнюдь не смущало присутствующих.

Итак, сызмальства окунувшись в сферы высокого искусства и теории справедливого жизнеустройства, девочки ничуть не тушевались, чувствовали себя в родной стихии. Столичный лоск в них прекрасно уживался с ограниченностью провинциалок. И как хорошо сочеталось их простодушное суждение о мировом искусстве с высокими идеалами справедливого общества!

Лет пятнадцати их послали в Дрезден. Там, помимо всего прочего, им предстояло приобщиться к миру музыки. Время они провели замечательно. Жили в студенческой среде. Жарко спорили с юношами о философии, общественной жизни, искусстве и ни в чем не уступали сильному полу, пожалуй, даже превосходили: как-никак они женщины! Ходили в походы по лесам, и у ладных их спутников непременно оказывались гитары. Сколько песен они перепели, наслаждаясь свободой. Свобода! Какое

¹ Фабианство — движение в общественной жизни Великобритании, пропагандировавшее реформистский путь к социализму; получило свое название в результате основания в 1884 году Фабианского общества, обязанного своим именем римскому полководцу Фабию Максиму Кунктатору (Медлительному); в разное время к идеологии фабианства склонялись такие представители английской культуры, как Джордж Бернард Шоу (1856–1950), Оскар Уайльд (1844–1900), Бертран Рассел (1872–1970). (*Здесь и далее — примеч. сост.*)

² Имеется в виду группа «Прерафаэлитское братство» — направление в английской поэзии и живописи во второй половине XIX века, образовавшееся в начале 1850-х годов. Название «прерафаэлиты» должно было обозначать духовное родство с флорентийскими художниками эпохи Раннего Возрождения.

великое слово! Перед ними распахнут весь мир, их привлекают предрассветные леса, рядом — здоровые молодые парни. Делай что хочешь, говори (это еще важнее!) что хочешь! Ведь разговоры, страстные споры, обмен мнениями — главное! А любовь — нечто второстепенное.

К восемнадцати годам и Хильда и Констанция уже познали мужчин. Конечно же, их спутники, с которыми они так неистово спорили, так ладно пели, ночевали под раскидистыми деревьями, добивались близости с девушками. И те, поколебавшись, уступили. Ведь о половой жизни столько говорят. Значит, это и впрямь нечто важное. Да и мальчишки ведут себя достойно, сдерживая страсть. Так почему же девушке не проявить воистину царскую щедрость и не одарить поклонника своим телом?

И девушки одарили, выбрав наиболее остроумных и задушевных собеседников. Ведь самое приятное, самое главное — в беседах. А в постели — жалкое подобие приятного, пожалуй даже разочарование. И девушки сначала охладели к приятелям, потом появилась неприязнь: будто парни посягнули на нечто сокровенное, на внутреннюю девичью свободу. Ибо в чем суть и смысл девичества, в чем его достоинство? Достичь полной, безоговорочной, беспорочной и благородной свободы! В чем еще смысл девичьей жизни? Решительно избавиться от стародавних постыдных оков.

И как бы ни приукрашивали все прелести половой жизни, именно они суть древнейшие оковы, орудия постыднейшего рабства. И воспевали их в основном поэты-мужчины. Женщины-то исстари понимали, что есть на свете ценности поважнее, поблагороднее. И наш век не раз это подтвердил. Свобода, чистая, прекрасная свобода несравнимо выше и чудесней любви плотской. Только вот беда: не доросли еще мужчины «прекрасного пола, не открыли для себя истины. Настоящие кобели — им бы только плоть свою потешить.

И приходится женщине уступать. Но мужчина, что дитя малое, меры не знает. И приходится женщине его улаживать. Не дай бог, разобидится милый и упорхнет, порушится приятное знакомство. Но женщина научилась

уступать мужчине, не жертвуя и толикой своей внутренней свободы. Этого-то и недоглядели поэты и говоруны-сладоглотники. Женщина может овладеть мужчиной и не подпасть в свою очередь под его власть. А овладеть им ей поможет плоть. Главное — поначалу чуть сдерживаться в постели, пусть мужчина утолит жажду. А когда он получит свое, время и женщине подумать об удовольствии — мужчина далее лишь игрушка в ее руках!

Едва сестры вкусили от плотских радостей, как грянула война и их спешно отправили домой. Истинной любви девушки так и не познали, для этого потребовалось бы очень близко сойтись со спутниками в разговоре. Точнее, лишь в беседе мог гнездиться как глубокий интерес, так и большое чувство. Сколько удивительного, упоительного трепета (кто бы мог подумать!) таилось в жарких, бесконечных — днями напролет — спорах с тем или иным понастоящему умным парнем. И день бежал за днем, месяц проплывал за месяцем. Непередаваемое, неземное блаженство! Добавив к прародительскому завету «И да прилепится жена к мужу» концовку — «дабы беседовать с ним», девушки хотя и не произнесли его вслух, даже толком не осмыслили, тем не менее жили строго по нему.

И уж коль скоро пылкие, предельно доверительные и душепросветительные беседы разбудили плоть, что ж, пусть все идет своим чередом. Заполнится, так сказать, еще одна страничка жизни. И в ней есть своя прелесть. Ни с чем не сравнить волнами накатывающий трепет. И вот — девятый вал — извержение! Точно восклицательный знак в конце фразы! Знак исполненности и законченности. Или череда звездочек в конце главы, знаменующая завершение эпизода.

Летом 1913 года, когда девушки (Хильда — двадцати, а Конни — восемнадцати лет) вернулись на каникулы домой, отец сразу смекнул, что дочери уже познали мужчин. Но сам человек, как говорится, бывалый, он решил не вмешиваться в течение их жизни. Мать, доживавшая свой век в сильном нервном расстройстве, пеклась лишь об одном: чтоб они были «свободны», чтоб их личности «полностью раскрылись». Самой бедняжке жизнь в этом отказала,

«раскрыться» ей так и не удалось. Почему — ведомо лишь Господу, ведь она жила в достатке и независимо. Винула она во всем мужа. И напрасно: сызмальства в ее сердце и уме запечатлелся образ мужчины-повелителя, и избавиться от него так и не удалось. И сэр Малькольм ни при чем. Он предоставил своей неуравновешенной, вечно недовольной, враждебно настроенной супруге распоряжаться ее собственной судьбой, выгородив ее из своей жизни.

Дочери и впрямь были «свободны», а потому вернулись вскорости в Дрезден, к музыке, университетским премудростям и приятелям. Каждая по-своему любила «своего» парня, и те тоже любили их со всей пылкостью, коренившейся не в сердце, а в уме. Все самые прекрасные мысли, слова подарили они своим возлюбленным. Приятель Конни занимался музыкой, приятель Хильды — точными науками. Но главное занятие в жизни — любимые девушки. То бишь в жизни внутренней, в сфере мыслей и чувств. В жизни обыденной у них бывали и неудачи, и разочарования, но юноши их не замечали.

И у юношей можно заметить, как любовь поражает не только их дух, но и плоть. Интересно, как неброско, но очевидно меняется обличье и мужчин, и женщин. Женщина расцветает, теряет девичью угловатость: бедра, груди обретают округлость. Взгляд либо взволнован, либо торжествующе-уверен. Мужчина делается спокойнее, чуть замыкается, не так гордо размахнуты плечи, подбораны ягодицы. Появляется раздумчивость и неуверенность.

Поначалу, столкнувшись с незнакомой мужской силой, которая ввергла их плоть в трепет и смятение, сестры едва не подчинились ей. Но вовремя возобладал разум: да, ласки приятны, но не более. В кабалу за них идти нельзя. У мужчин по-другому: в благодарность женщинам за минуты любви они готовы всю душу отдать. Хотя потом сами же в затылках чешут — эх, потеряли золотой, а нашли медяк. Приятель Конни становился все мрачнее, а приятель Хильды — язвительнее. Такой вот народ эти мужчины. Неблагодарные и ненасытные! Отказываешь им — они сердятся, потакаешь — пуще прежнего злобятся, повод

всегда найдется. А то и вовсе без повода, просто капризничают, как дети, которых — старайся не старайся — женщине не ублажить.

Грянула война. Хильда и Конни поспешили домой, где были совсем недавно — хоронили мать. А к Рождеству 1914 года погибли и их друзья-немцы. Сестры всплакнули, любовь полыхнула в душе ярким огоньком и подернулась пеплом забвения. Этих молодых людей не вернешь.

Сестры поселились в отцовском доме в Кенсингтоне (по сути — доме их матери). Теперь их окружали студенты Кембриджа, они тоже отстаивали свою «свободу»: носили тонкие шерстяные костюмы, рубашки с отложными воротничками, кичились чистокровной анархией чувств, говорили вкрадчивым, журчащим шепотком, в поведении выказывали нарочитую впечатлительность и ранимость.

Хильда неожиданно вышла замуж; ее избранник был на десять лет старше, из той же кембриджской группы, немалого достатка, с нехлопотным чиновничьим местом, которое досталось ему по наследству. Он также писал философские трактаты. Она переехала к нему в тесноватый домик в Вестминстере. Круг знакомых теперь составляли чиновники, хоть и не самого высокого ранга, зато несомненно самые толковые на сегодняшний (или на завтрашний) день в стране. Такие люди не пустословят, а если уж говорят, то умно и веско.

Конни участвовала в благотворительной работе в помощь фронту, однако не особенно усердствовала; проводила много времени в обществе своих кембриджских друзей, щеголявших не только модными брюками, но и непримиримыми взглядами. Эти молодые люди по-прежнему подсмеивались над всем и вся. Особенно она сблизилась с Клиффордом Чаттерли. Было ему двадцать два года, и он только что приехал из Бонна, где изучал технологию угольной добычи. А до этого два года проучился в Кембридже. Теперь, облачившись в лейтенантскую форму, он с большим форсом осмеивал все на свете. Принадлежал он несомненно к кругам высшим, нежели Конни. Та — из зажиточной интеллигентской среды, Клиффорд — из аристократии. Не ахти какой

Содержание

<i>Н. М. Пальцев. «Любовник леди Чаттерли»: судьба писателя, судьба романа</i>	<i>3</i>
Любовник леди Чаттерли	18